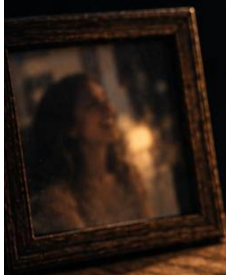

Комната 412

Тепло остывшей чашки

Пугачёв Максим

—◆—
«Ты коришь себя за то, что дышишь»

Максим Пугачев

Комната 412

<https://litres.ru/74475877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья погиб два года назад. Он просто об этом не знает.

Каждый год в одну и ту же ночь город сходится на перекрёстке, где четыре дороги расходятся в никуда. Здесь дают ответы. Здесь можно простить себя. Илья ходит сюда второй год — и второй год не может выйти.

Марк, его проводник, молчит. Девушка, которую он встречает на улице, не помнит своего имени. А за окном его квартиры всё ещё стоит зима.

Чтобы выйти, Илье нужно вспомнить одну ночь. Ночь, в которой он потерял всё. И — простить того, кто в ней виноват.

Проблема в том, что виноват не он.

Содержание

Пролог: Комната 412	5
Глава 1: Тепло остывшей чашки.	18
Глава 2: Переменная.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Пугачев

Комната 412

Пролог: Комната 412

Зима явилась не стужей — хрустальным саркофагом. Воздух обрёл плотность застывшей смолы, где любой звук оставлял трещину. Время стало тягучим янтарём, пленяющим дыхание, шорохи и сами мысли. Город клонился к вечеру, пустел, отдавая улицы редким фонарям и тягостной тишине.

Но эта ночь принадлежала иному. Она приходила раз в году — когда луна, тяжёлая и серебряная, повисала у горизонта, обливая сугробы мертвенной белизной. Мы звали её Собранием. Никто не помнил творца этого закона, но правило было незыблемо: чтобы получить ответ, надлежало явиться. Чтобы вырвать у судьбы правду о себе, о грядущем или о прошлом, что гложет изнутри, следовало ступить в морозную муть и брести, куда перед взором не проступит развилка.

Я шагал по скрипучему насту, чувствуя, как стужа просачивается под воротник потёртого пальто. Маршрут был неизменен: от тусклого фонаря у подъезда через арку, пропахшую кошачьей сыростью, затем направо, вдоль чугунного кружева ограды. Но сегодня знакомое беспокойство сжимало грудь. Каждый год, достигая старой трамвайной петли, где рельсы давно переплелись с ледяным бурьяном, я замирал. Там смыкались четыре дороги.

Четыре пути. Наше проклятие и наше искупление. Словно сама судьба начертала этот крест в сердце города. Налево — ржавые ангары промзоны, откуда не возвращались. Прямо

— широкая магистраль к спальным кварталам. Уходившие по ней являлись иными: с пустыми очами, с улыбками мертвецов. Направо — тропа через лесополосу, тёмная и змеистая. Путь охотников за чужими тайнами, что редко возвращались, и почти всегда — надломленными. А четвёртый вёл к старому Дому Культуры, массивной глыбе с колоннами, затянутой инеем. Туда стремились все, но достичь врат можно было, лишь минув Барьер.

— Не гляди налево, Илья, — коснулся слуха тихий, ровный голос.

Марк стоял рядом, плечо к плечу. Он был неизменен: длинное чёрное пальто, нетронутое снегом, безупречная выправка, глаза цвета мокрого асфальта, в которых плескалось всё ночное небо. Марк не был одним из ищущих. У него не водилось тайн, жаждущих разгадки. Его участь была иной. Проводник. Или Страж. Я так и не постиг его сути до конца.

— Ощущаешь? — спросил я, глубже кутаясь в шарф. Зубы выбивали дробь, но не от стужи. От ужаса выбора.

— Да, — кивнул он. — Сегодня много душ. Слишком молодых. Ищут лёгких путей. Жаждут чар, жаждут стать иными. Но сюда приходят лишь за одним — простить себя.

Толпа гудела приглушённым роем. Люди теснились на перекрёстке, переминаясь с ноги на ногу. Кто-то беззвучно плакал, закрыв лицо ладонями. Атмосфера сгущалась, давила на плечи незримой ношей. Мы ждали.

В центре развилки воздух дрогнул. Снег под ногами утра-

тил хруст, обратившись стеклянной крошкой. Пространство пошло рябью — и вместо замёрзших луж встала полупрозрачная стена, переливающаяся перламутром. Барьер.

Марк положил ладонь мне на плечо. Пальцы его были тёплыми, почти обжигающими, и это тепло пробивалось сквозь плотную ткань, даря призрачную надежду.

Барьер полыхнул ярче. Из его недр выступила фигура — высокий силуэт в сером балахоне, безликий. Толпа ахнула, отшатнувшись. Хранитель Перекрёстка. Он не вершил судеб — он лишь создавал условия.

Хранитель воздел руки, и голос его прозвучал отовсюду, отражаясь эхом от фасадов:

— Выбор уже свершён. Ступайте. Три пути отверсты. Возврата нет. Всяк, кто шагнёт на четвёртый без зова, будет поглощён.

И тут — на миг, на одно биение сердца — его безликость обратилась ко мне. Не лицом — вниманием. Меня взвесили. Оценили. И, кажется, остались недовольны.

— А ты, — сказал он тише, так, что слышал только я, — иди прямо. Тебе — прямо.

Паника плеснула в толпе. Юноша напротив меня, трясясь, вглядывался в дорогу к промзоне — его манило отчаяние, словно магнит.

— Тебе прямо нельзя, — отрывисто бросил Марк, сжимая плечо. — Душа истончена. Магистраль сожрёт рассудок. Либо промзона — если хочешь забыться и стать пустотой,

либо лес — если готов биться за память. Решай.

Я взгляделся в друга. Годами я доверял ему безоглядно. Он не ошибался. Два года назад он отвратил соседку от левого поворота, толкнув в лесную чащу. Она вернулась поседевшей, но впервые за десятилетие смогла улыбнуться. Значит, Марк ведал карту наших душ лучше нас самих.

— Лес, — выдохнул я. — Пойдём лесом. Хочу знать.

— Нет, — оборвал он. Голос его утратил теплоту, став жёстким. — Сегодня тебе нужно не знание, а исцеление. Оно — в Доме. Иди прямо.

— Но ты сказал...

— Я ошибся, — перебил он, не глядя на меня. — Слушай сейчас.

Он подтолкнул меня в спину. Толпа пришла в движение — люди ринулись в проёмы Барьера, исчезая в мареве. Меня подхватил людской поток. Я пытался обернуться, выкрикнуть вопрос, но река несла меня вперёд. Я выставил ладони, пытаюсь упереться в невидимую стену — но пальцы скользнули сквозь холодную пустоту.

Я очутился на магистрали. Широкая улица, утыканная редкими фонарями, уходила в чёрную бездну. Я двинулся вперёд, ожидая, что разум начнёт плавиться, как гласили предания. Но ничего не происходило. Асфальт, припорошённый снегом, был обычен. Дома молчали, как исполины-призраки.

Спустя двадцать минут я разглядел огни. Это был не па-

радный вход в Дом Культуры, а старый служебный двор, заваленный сугробами. Барьер пропустил меня окольной тропой. Я обогнул здание и вышел к центральному крыльцу. Огромные дубовые створки были распахнуты, и из них струился тёплый воздух, пропитанный запахом старого дерева, пыли и... валерьянки.

Внутри кипело столпотворение. Сотни людей сидели на полу в главном холле, теснились вдоль стен, жались друг к другу. Гул голосов сливался в монотонный прибой. Но порядок зримо присутствовал. По периметру стояли Стражи, подобные Марку, бесстрастно направляя людские потоки.

Я вздрогнул, поймав на себе взгляд одного из них. Он смотрел не на меня — сквозь. Как будто видел что-то за моей спиной, чего не было.

Ноги сами понесли меня к лестнице. Груз вины обрушился на грудь, вытесняя воздух. Я помнил всё: отсвет мокрого асфальта, визг тормозов, глухой удар. Лера... Моя Лера. Самая живая. Самая светлая. А я, живой, стоящий здесь, потому что сам попросил её сесть за руль — пьяный после корпоратива. Это была моя тайна, мой личный ад, который я приносил сюда каждый год в надежде услышать: «Ты не виновен». Но слова бессильны, если сердце им не верит.

Пробиваясь сквозь толпу на третьем этаже, я задел локтем кого-то. Девушка вскрикнула, выронив пластиковый предмет — игровую приставку, дешёвую безделушку. Из неё рвался агрессивный бас, перекрывая гомон.

— Эй, поосторожнее! — она возмущённо подняла гаджет.

Её лицо показалось смутно знакомым. Симпатичная, но какая-то блёклая рядом с памятью о Лере. Я не знал её имени, но часто видел у той развязки. Похоже, она тоже была завсегдатаем.

Не ведая, что на меня нашло — возможно, желание отсрочить миг у комнаты 412, — я вырвал приставку из её рук и сунул в карман.

— Выключи, — бросил я. — Здесь место скорби.

Она опешила, открыла рот для отповеди, но звук и впрямь резал слух. Люди оборачивались. Она нахмурилась, однако последовала за мной, видимо, приняв мою грубость за странную форму защиты.

Мы добрались до нужного этажа. Дверь 412 была приоткрыта. Ни звука не доносилось из-за неё. Я собрался с духом, готовый войти в одиночестве, но заметил, что девушка стоит рядом. Она смотрела на табличку — и в её глазах плескалась та же пропасть боли, что и в моих.

— Тебе сюда? — хрипло спросил я.

— Да, — кивнула она. — Вопрос жизни. Врачи сказали... неважно.

— Женщин не принимают поодиночке, — солгал я, цепляясь за призрачный якорь. — Только мужчин. Или пары.

Это была ложь, рождённая страхом пустоты. Я не мог войти один. Не мог встретить своё горе лицом к лицу.

Девушка долго смотрела на меня, затем слабо улыбнулась:

— Что ж, похоже, мы будем исключением.

Она взяла меня под руку. Её ладонь была тёплой и чуть влажной. Мы переступили порог вместе.

Комната оказалась не такой, как я воображал. Ни свечей, ни черепов, ни хрустальных шаров. Обычный кабинет: кожаный диван, книжный шкаф, письменный стол. За столом сидела женщина лет пятидесяти, одетая в простой кашемировый свитер винного цвета. Седые волосы собраны в небрежный пучок. На коленях у неё дремал огромный рыжий кот, лениво щурящийся на вошедших.

Женщина подняла голову. Её взгляд пронзил меня до костей. Мне почудилось, что она видит не лицо, а нутро — скрюченную фигурку, закутанную в саван вины, и поглаживает её.

— Входите, — промолвила она бархатным, густым голосом. — Притворите дверь. Сквозняк портит шерсть.

Мы опустились на диван. Девушка прижалась ко мне плечом. Женщина перевела взгляд с одного на другого, и уголки её губ дрогнули в понимающей усмешке.

— Забавно, — протянула она, откладывая книгу. — Обычно я принимаю страждущих по одному. Ваша боль интимна. Но вас двое. И вы вошли вместе.

— Мы... — начал я, но горло свело спазмом.

— Вы не любовники, — констатировала она. — Но вы связаны. Крепче стали. Вы поменялись местами. Разве не чувствуете?

Я недоуменно посмотрел на девушку. Она побледнела.

— Поменялись? — переспросила она.

— О да, — кивнула хозяйка кабинета. Кот на её коленях потянулся, выгнув спину, и издал низкий, вибрирующий звук. — Он несёт вину за женскую смерть. А ты, милая, носишь в себе семя собственного конца, но боишься признать. Вы устали нести ношу поодиночке. Вы прильнули друг к другу, чтобы не рухнуть. Опора стала общей. Границы истлели. Для этого места — вы пара. Избранная пара.

Женщина поднялась. Движения её были плавны, текучи, вопреки возрасту. Она подошла к столу, выдвинула ящик. Достала маленький бархатный мешочек.

— Судьбу не пересказывают словами, — проговорила она, высыпая содержимое на столешницу. — Слова — ложь. Судьбу являет металл.

По полированному дереву покатались старые монеты. Медные, почерневшие от времени, с неразличимыми профилями. Они двигались хаотично, сталкиваясь, издавая сухой звон. Женщина провела над ними рукой, не касаясь, и они замерли, сложившись в прихотливый узор.

Девушка подалась вперёд, жадно вглядываясь в кругляши. Хозяйка наклонилась к ней, почти касаясь губами её волос.

— Видишь? — шепнула она. — Твоя нить прерывается, но не обрывается. Твой страх — лишь пауза. Живи. Не торопи себя. Не спеши ставить точку там, где жизнь оставила

запятую.

Она выпрямилась. И тогда случилось нечто, отчего я вжался в диван. Кожа на лице женщины начала меняться. Не превращаясь в монстра — морщины разгладились, черты заострились, нос вытянулся, покрывшись короткой рыжей шерстью. Через миг на месте дамы сидела крупная сибирская кошка небывалой красоты. Зелёные глаза глядели мудро и снисходительно.

Следом перемена коснулась моей спутницы. Тихий вздох, подобный шелесту шёлка. Кожа пошла рябью, одежда втянулась в шерсть, тело изменило пропорции. Передо мной сидела изящная дымчатая кошка, что грациозно спрыгнула с дивана.

Две кошки встретились взглядами. Рыжая мягко толкнула монету носом к дымчатой. Раздался звук, от которого у меня заложило уши. Это не было мяуканьем. Это был язык — низкое, гортанное воркование, переливающееся обертонами, шорох листвы и треск льда одновременно. Они говорили на Кошачьем. Язык судьбы не для человеческих ушей.

Их беседа длилась недолго. Затем обе вновь обрели человеческий облик так же естественно, как мы надеваем перчатки. Девушка села обратно, прижимая руку к груди, тяжело дыша. Она плакала — но слёзы текли облегчения.

Женщина-кошка повернулась ко мне. Улыбка исчезла. Лицо стало серьёзным, материнским. Она обогнула стол и приблизилась вплотную. Я дёрнулся, пытаюсь отстраниться,

сжаться, спрятать свой позор.

Она положила ладонь мне на плечо. Ту самую, что недавно была лапой с когтями. Тепло проникло сквозь ткань, сквозь кожу, достигло самого средоточия моей заледенелой души.

— Тише, — молвила она мягко, но властно. — Тише, мальчик. Дыши.

И тогда прорвало. Всё напряжение ночи, весь ужас минувших лет, вся фальшь моей «нормальной» жизни рухнули разом. Я уткнулся лицом в колени и зарыдал — громко, некрасиво, содрогаясь. Слезы жгли щёки. Я выл, как зверь, выпуская яд, что носил годами.

— Я убил её, — хрипел я между всхлипами. — Я просил... я дышал, а она...

— Ты не убивал, — твердо сказала она, не убирая руки. Её пальцы слегка массировали спазмированное плечо. — Несчастный случай — это математика дурных дорог и скользкой резины. Твоя вина — эгоизм выжившего. Ты коришь себя за то, что дышишь. Но взгляни на неё.

Я поднял заплаканные глаза. Женщина кивнула на девушку. Та сидела, вытирая слёзы, и смотрела на меня с тихой, бездонной нежностью. В её взгляде не было жалости — было понимание.

— Она жива, — продолжила Хозяйка. — И ты жив. Вы держитесь друг за друга, ибо тьма любит одиноких. Перестань питать мёртвых своей жизнью. Ту, что ты любил,

оскорбили бы твои муки. Она хотела бы видеть тебя счастливым. Позволь и себе право на простое.

Она отошла к столу, опустилась в кресло и вновь стала обычной усталой женщиной. Кот на коленях приоткрыл один глаз, муркнул и продолжил дремать.

— Ваше время истекло, — буднично сказала она, извлекая из кармана песочные часы. — Песок просыпался. Ступайте. И помните: ответы обретенны. Долги списаны. Живите.

Мы вышли из комнаты 412 в опустевший гулкий коридор. Здание затихло. Остальных уже распределили по их путям. Мы с девушкой спустились вниз. Уходили через разные двери — таков был негласный закон Собранин. Каждый должен вернуться в свой мир в одиночестве.

Я брёл по зимней улице обратно к перекрёстку. Мороз уже не кусался. Внутри было странно пусто и светло — как в комнате, где выбросили пыльный хлам. Я достал из кармана чужую приставку. Взглянул на неё и аккуратно положил на скамью у остановки. Пусть заберёт кто-то другой. Молодой. Тот, кому ещё нужны басы и яркость, чтобы заглушить тишину внутри.

Впереди показалась развилка. Четыре дороги. Утром рабочие заметут следы, растает защитный барьер, и это место станет обычным перекрёстком.

Я остановился. Друга моего Марка нигде не было. Верно, его служба на сегодня окончена.

Я глубоко вдохнул колючий воздух. Выдохнул облачко па-

ра.

И пошёл домой. Вперёд. По прямой дороге — туда, где ждала жизнь.

Глава 1: Тепло остывшей чашки.

Тишина в квартире не была отсутствием звука. Она имела вес, плотность и цвет — густой, свинцово-серый, как небо

перед самой страшной грозой. Она давила на барабанные перепонки, заставляя слышать гул собственной крови. В центре этого беззвучного океана стоял якорь — обычная керамическая кружка. Она стояла на дубовом столе второй день. Чашка тёплая. Точнее, казалась тёплой. Толстые бока впитали жар давно выветрившегося чая с чабрецом и мёдом — того самого, который Лера заваривала, когда мы сидели над чертежами или старыми книгами. Я не притрагивался к ней день, может два. Пальцы отказывались её касаться, словно это было осквернение могилы. Кружка стала алтарём. Последним свидетельством, что время ещё движется, пока моё собственное застыло. Потому что вчера был тот самый день. Ровно два года назад секундная стрелка сделала последний круг, отделив «до» от «после». День, расколовший мою жизнь на две неравные половины: ту, где у меня была душа, и ту, где осталась лишь ноющая, фантомная боль в том месте, где она раньше была. Лера. Мы прожили вместе шесть лет. Шесть лет — это не так много, если считать по календарю. И — целая жизнь, если считать по тому, как человек входит в тебя. Она вошла тихо. Без грома. Просто однажды я заметил, что не могу заснуть, если не слышу её дыхания рядом. Что кофе, сваренный ею, вкуснее. Что все мои планы — на месяц, на год, на старость — имеют в основе одно: чтобы она была рядом. А потом её не стало. Я не помню ту ночь целиком. Память похожа на старую грампластинку, исполосованную ножом. Кадры из фильма,

который я не хочу смотреть, но не могу выключить. Дождь. Мокрое шоссе. Фары разрезают темноту. Лера за рулём — я попросил её сесть, потому что выпил на корпоративе. Она вела уверенно, мурлыча себе под нос какую-то старую песню. Щелчок. Кадр сменился. Мы стоим на обочине. Лера смеётся, говорит, что нужно размять ноги. Воздух пахнет дождём и хвоей. Она уходит к лесу — собрать ветку омелы. На удачу. Щелчок. Темнота. Визг тормозов. Удар. Всё произошло так быстро, что мозг отказался фиксировать хронологию. Это не кадр — взрыв, слепящий белый шум. Обрывок. Я прихожу в себя. По щеке ползёт жидкость — липкая, горячая. Кровь, смешанная с мелким стеклом. Во рту вкус железа и земли. А рядом — Лера. Она сидит странно ровно, пристёгнутая ремнём, который теперь бесполезен. Ветка — толстая, обломанная ветвь старой берёзы, — пробила лобовое стекло, вошла ей чуть ниже левой ключицы и вышла со спины, пригвоздив к креслу, как бабочку в коллекции. Её лицо лежало на руле. Глаза стали пустыми. Теми зеркалами, которые разбились изнутри. В них больше не отражалось ни неба, ни леса, ни моего искажённого ужасом лица. Только бесконечная, глубокая ночь. Мысли пронеслись калейдоскопом бессмысленных сожалений. «Зачем остановились». «Надо было ехать быстрее». «Почему не я за рулём». И тогда появился Марк. Он шагнул из теней леса на свет фар — тех, что ещё горели, упираясь лучами в небо. Я решил, что это бред умирающего мозга. Защитная реакция. Ангел, приду-

манный, чтобы не сойти с ума в последние минуты. Но разум не способен выдумать холод его рук в контрасте с жаром горящей позади машины. Он был похож на ангела-хранителя. Хотя ангелы не носят идеально скроенных чёрных костюмов и не смотрят на тебя глазами, в которых плещется вековая усталость и понимание всех твоих самых грязных мыслей. Он встал рядом, отеснив собой панику. И с тех пор находится здесь постоянно. Тишина в квартире сгустилась. Я стоял у стола, глядя на чашку. Лера всегда оставляла её на этом самом месте — чуть левее центра, ручкой к окну. Привычка. Глупая, бессмысленная привычка, о которой я не думал шесть лет. А теперь думаю каждый день. — Ты слишком долго держишь её. Голос Марка прозвучал не в ушах — прямо внутри черепной коробки. Бархатный, тихий, лишённый эмоций голос патологоанатома. Я вздрогнул. Ладони были тёплыми от кружки, которую я наконец взял в руки. Пальцы чувствовали холодную гладкость керамики, покрытую влагой. Следом за спиной раздался лёгкий шелест ткани. Марк подошёл вплотную. Я чувствовал его дыхание — оно не было ни тёплым, ни холодным. Так дышат мертвецы или вечность. — Ты готов, Илья? Кем бы он ни был — ангелом или дьяволом, — он пришёл предупредить. Год отсрочки истёк сегодня, вместе с конденсатом на стенках этой проклятой чашки. Я должен был снова выбирать путь. Я не обернулся. Оборачиваться нельзя — можно увидеть такое, от чего человеческое сердце лопнет, как мыльный пузырь.

Лишь кивнул в тихой комнате. Пар изо рта не вырвался — в квартире было тепло, почти душно. Но этот кивок покрыл мою спину слоем инея. Марк обошёл стол и встал напротив. Его отражение смотрело на меня из чёрного лака столешницы. Лицо идеальных пропорций. Бледная кожа. Тонкие губы. Ни одной морщины, кроме двух глубоких складок, пролегающих от крыльев носа к уголкам рта — складок вечного разочарования. — Она ждала, — сказал он, указывая взглядом на фотографию в простой деревянной рамке. Там смеялась Лера, запрокинув голову. Солнечный зайчик сидел у неё на носу. — Ей было скучно одной. Вам, близким, тяжело порознь. Ты ведь обещал никогда её не оставлять. Я смотрел на фотографию. Долго. Потом поставил чашку обратно — ровно на то место, где она стояла. Ручкой к окну. — Ты прав, — сказал я. — Пора. Марк не двинулся. — Ты не спросил главного. — Какого? — В прошлый раз ты вошёл в комнату не один. Ты помнишь её? Я замер. Женщина в коридоре. Силуэт в лёгком платье. Наклон головы. Прядь, выбившаяся из причёски. Я не видел её лица. Я даже не спросил её имени. Она ушла в темноту, и я больше никогда её не встречал. — Помню, — сказал я. — Она вернулась, — произнёс Марк. — И она ищет тебя. Он повернулся и пошёл к двери. Не к входной — к той, что вела в коридор. Обычная дверь, за которой была спальня. Но сейчас оттуда тянуло холодом — тем самым, с перекрёстка. — Идём, — сказал Марк, не оборачиваясь. — Она ждёт. Я взял куртку. На секунду задержался —

взглянул на чашку. Потом на фотографию. Лера смеялась, запрокинув голову.— Прости, — сказал я ей. — Я скоро. Я не знал, правда это или нет. И вышел следом.

Глава 2: Переменная.

Утро не началось. Оно перетекло из вчерашнего вечера, как остывший чай через край тяжёлой керамической кружки

— бесшумно, вязко, оставляя на дубовой столешнице липкое пятно разочарования. Илья открыл глаза не от будильника, а от давящей тишины. В их с Лерой доме всегда звучала музыка: старый джаз по утрам, её тихое пение в душе, скрип паркета под босыми ногами. Теперь здесь жила только акустика пустоты. Он сел. Простыни были холодными. Взгляд упёрся в фотографию на комод: они с Лерой смеются, облепленные осенней листвой в Сокольниках. Кажется, та осень была сто лет назад, в другой жизни, где законы физики ещё работали предсказуемо. Сегодняшний день — точная копия вчерашнего. И позавчерашнего. День сурка, сваренный на медленном огне экзистенциальной тоски. Всё тот же серый свет январского утра сквозь плотные шторы. Всё та же пыль, танцующая в луче над старым письменным столом. Всё тот же запах озона от работающего впустую увлажнителя. — Марк? Ты здесь? Голос прозвучал жалко. Хриплый, неуверенный баритон, брошенный в пугающую пустоту гостиной. Имя повисло тяжёлым конденсатом. Марк. Его невидимый собеседник. Или его шизофрения. Или ангел-хранитель, взявший неоплачиваемый отпуск, но иногда выходящий перекурить прямо у Ильи в голове. Ответа не последовало. Лишь секундная стрелка старых часов отсчитала монотонный шаг, подчёркивая абсолютное отсутствие кого-либо живого. Илья подошёл к окну, отодвигая пальцем тюль. За стеклом простиралось нечто невозможное. Город исчез. Вместо привычного серого пейзажа спального района ле-

жала первозданная, звенящая белизна. Сугробы поднимались выше человеческого роста, закручиваясь причудливыми гребнями. Снег падал густыми тяжёлыми хлопьями, такими крупными и чистыми, что казалось, будто кто-то сверху вытряхивает перину. Такого снегопада не было со времён детства, когда мир казался огромным, а каждый сугроб — потенциальной крепостью. Сейчас этот снег вызывал лишь клаустрофобию. Слишком чистый для мира, в котором он жил. Руки сами потянулись к вешалке. Движения стали ритуальными, почти механическими, но в этой механике сквозила забота чужой памяти. Тяжёлое шерстяное пальто цвета мокрого асфальта. Вязаная шапка, которую Лера называла «гнездо неудачливого орла». Шарф. Самый сложный узел. Тот самый кашемировый шарф винного цвета. Илья завязал его так, как это делала она: двойная петля, плотно прилегающая к горлу, защищающая кадык от ветра. Жест заботы, отпечатавшийся в моторике пальцев даже спустя месяцы после того, как руки Леры перестали двигаться навсегда. «Работа», — подумал он, глядя на своё отражение в тёмном экране выключенного телевизора. Слово отдавало привкусом ржавчины. Интересное занятие? Скорее, анестезия. Рутинка одного дня, инъекция бессмысленных задач, чтобы не думать о том, что находится под кожей реальности. Отчёты, звонки, вежливые улыбки коллегам, которые тоже давно превратились в функции самих себя. Вот она, входная дверь. Граница между искусственным теплом квартиры и ледяным

дыханием аномальной зимы. Массивный дуб, покрытый лаком, стёртым внизу у порога. Оставалось лишь взяться за бронзовую, ледяную рукоять. Пальцы замерли в миллиметре от металла. Внутри черепной коробки, там, где должны быть только кость и мозговое вещество, раздался голос. Не звуковые волны, проникающие через уши. Голос возник сразу в центре сознания, оглушительный и интимный одновременно.— Скоро, Илья. Совсем скоро придётся выбирать путь. И я тебе помогу, как и всегда. Тело сработало быстрее разума. Илья отпрыгнул от двери, словно коснулся оголённого провода. Сердце пропустило удар, а затем сорвалось в галоп, колотясь о рёбра так, что заболели лёгкие. По венам хлынул адреналин — густой, тошнотворный коктейль из животного страха и глухого отчаяния. Он тяжело дышал, хватая ртом воздух прихожей, и смотрел на закрытую дверь. Никого. Только эхо собственного пульса. Наконец, собрав остатки воли в кулак, он нажал на рычаг. Замок сухо щёлкнул, и дверь отворилась. Ледяное утро врезалось ему в лицо без предупреждения. Воздух стал твёрдым, острым, как битое стекло. Миллиарды микроскопических иголок вонзились в кожу. Щёки обожгло болью, губы моментально пересохли. Пришлось поднять воротник повыше и уткнуться носом в шарф, связанный женой. Запах её шампуня всё ещё ютился в волокнах, смешиваясь теперь с запахом мороза и озона. Горьковато-сладкий парфюм потери. Илья стоял на крыльце своего подъезда, но чувствовал себя так, будто оказался на

поверхности незнакомой планеты. Мир вокруг был детализирован до ужаса: каждая веточка ели под слоем снега, каждая искорка инея на проводах, текстура льда в лужах. Но суть этого мира ускользала. Она была фальшивой, как декорация высокобюджетного фильма, построенная вокруг единственной камеры — его глаз. Улицы те же — Ленинский проспект, Университетский. Дома стояли на своих местах. Но фонари горели через один, испуская мертвенно-жёлтый свет. И ни одного следа на снегу, кроме его собственных ботинок. Он шёл, разговаривая сам с собой едва слышным шёпотом, пытаясь удержать рассудок на привязи:— Каждый справляется со своей болью по-разному. Кто-то пьёт. Кто-то режет вены. Кто-то строит карточный домик из рутины. Я, кажется, схожу с ума экологично. Без вреда для окружающих. Куда он шёл? Кафе на углу закрыто — на стекле приклеена скотчем кривая бумажка «Санитарный день навсегда». Офис? Зачем? Чтобы смотреть в монитор, графики которого отражают падение интереса к жизни? Смысл его походов оставался неясным. Он просто переставлял ноги, потому что остановка означала бы необходимость посмотреть внутрь себя, а там, внутри, зияла бездна. Он замедлил шаг, замороженный. Снежинка опустилась на чёрную ткань его перчатки. Идеальная шестиконечная звезда. Сложнейший кристалл воды, уникальный, как отпечаток пальца. Илья наклонился ближе, рассматривая тончайшие узоры. В этом хаосе замёрзшего пара была божественная математика. Порядок. Логика. То,

чего так не хватало в его собственной судьбе. БАМ. Столкновение произошло внезапно. Мягкое, но упругое. Тёплое тело о тёплый слой одежды. Илья пошатнулся, отступая на шаг назад, провалившись каблуком в глубокий сугроб. Она вскрикнула коротко, скорее от неожиданности, чем от боли. Между ними, на утопанном снегу, что-то лежало. Чёрный пластиковый прямоугольник с потёртыми углами. Капсульный механизм поблёскивал металлом. Кассетный плеер. Техника времён девяностых. Артефакт из эпохи, когда музыка имела вес и длину. — Простите, — выдохнул Илья, тут же наклоняясь. Пальцы в перчатках схватили холодный пластик. — Я вас не заметил. Засмотрелся. Он выпрямился и протянул ей устройство. Их взгляды встретились. Мир сузился. Это была она. Та самая девушка. Из комнаты четыреста двенадцать. Память швырнула его назад, в тот стерильный коридор. Тогда он почувствовал то же самое — гравитационный сдвиг. Невозможность войти одному. И тогда они вошли вместе. Как пара. Прошли всю сцену — Хозяйка, монеты, кошки. А потом вышли в коридор и разошлись. Он — в свою дверь, она — в свою. Так было надо. Так было заведено. Каждый возвращается один. Он даже не спросил её имени. Потерял шанс. А сейчас она стояла перед ним посреди зимнего апокалипсиса, одетая в пушистую шубу из искусственного меха, от которой пахло морозом и какими-то дорогими духами. Эта встреча была случайной? Математическая вероятность встретить человека дважды при милли-

онах жителей мегаполиса стремится к нулю. Значит, чья-то воля. Он не понимал механизма происходящего, но чувствовал физически: пространство натянулось. Между ними возникла ниточка. Тонкая, вибрирующая струна в этом пустом, гулком и бессмысленном мире. Если её тронуть — зазвенит. — Простите, — произнесла она. Её голос был глубже, чем он запомнил. С лёгкой хрипотцой. — Я просто... потянулась за платком. Рука застряла в кармане этой дурацкой шубы, такая тесная. А тут вы... свалились как снег на голову. Она улыбнулась. Лёгкая, извиняющаяся полуулыбка, обнажающая краешек ровных белых зубов. И в этой улыбке было столько жизни, что у Ильи защемило в глазах. Не узнала. Мысль пронзила его холодной вспышкой. Для неё комната 412 осталась незамеченной мелочью. Очередной скучающий мужчина в очереди. Стёрлось из памяти, смытое десятками других лиц. Нужно было что-то сказать. Разрушить эту неловкость. — Ничего страшного, — Илья заставил уголки губ подняться. — Редкая вещь. Сейчас такое не делают. Цельный металл, проводные наушники. Он говорил о плеере, но смотрел ей в глаза. — Да, не помню, кто подарил, но она всегда со мной. Причём настоящий звук живёт на ленте, — она взяла протянутый гаджет, прижимая его к груди жестом собственности. — Спасибо вам огромное. Я бы расстроилась. Повисла пауза. Нужно было расходиться. Правила этикета требовали кивнуть и уйти по своим делам, вернувшись в матрицу одиночества. Но Илья сделал то, чего не де-

лал годами. Он нарушил протокол.— Илья, — сказал он, делая полшага вперёд и решительно выдвигая руку из варежки. Ладонь была горячей, несмотря на мороз. Она на мгновение растерялась, переводя взгляд с его лица на протянутую руку.— Хлоя, — ответила она, вкладывая свою ладонь в его. Её рука была маленькой, но сильной. И холодной. Очень холодной, даже сквозь кожаную перчатку. Ледяные пальцы. Как у мертвеца. Или как у той, что лежит в земле. Их рукопожатие затянулось на долю секунды дольше приличного. Контакт кожи. Обмен статическим электричеством. Хлоя вдруг резко втянула воздух носом. Её зрачки расширились, заполнив почти всю радужку тёмной бездной. Она смотрела сквозь Илью, или, точнее, внутрь него. А потом свет ослепил её. Из ниоткуда, прямо посреди заснеженной улицы, вспыхнуло солнце. Не зимнее, бледное московское светило, а палящее, жёлто-белое марево. Свет резанул по сетчатке, выжигая изображение. Хлоя дёрнулась, отвернулась, зажмурилась так сильно, что на веках проступили белые пятнышки мышц.— Что с вами?! — Илья инстинктивно ухватил её за локоть второй рукой, придерживая. Девушка покачнулась, колени подкосились. Он крепко держал её, чувствуя, как напряглись мышцы под шубой. На какое-то мгновение они оказались очень близко. Ближе, чем позволено незнакомцам.— Всё в порядке, — прошептала она, часто моргая. Слезы катились по её щекам, мгновенно превращаясь в крошечные льдинки. — Со мной часто такое бывает. Особенно накану-

не годового собрания. Фраза повисла в воздухе абсурдным флагом. Годовое собрание? — Согласен, — медленно произнёс Илья, не выпуская её локтя. Страх уступил место какому-то лихорадочному любопытству. — Со мной тоже происходят необъяснимые вещи. — Правда? — она наконец открыла глаза. Зрачки всё ещё были огромными, но фокус вернулся. Она смотрела на него изучающе, настороженно, но без паники. Так смотрят на хищника, который почему-то решил не нападать. — Да, — кивнул Илья. — Я вижу призраков. Точнее, одного. Он постоянно рядом, и направляет меня по истинному пути. Называет меня по имени голосом, который звучит прямо в голове. Илья ожидал, что она отшатнётся, вызовет скорую или посмотрит на него как на городского сумасшедшего. Возможно, бросит кассетный плеер и убежит. Но Хлоя тихо, мелодично рассмеялась. Сначала это был просто выдох облегчения, потом смех набрал обороты, сотрясая её плечи. Смех искренний, освобождающий. Илья сначала опешил, а потом подхватил. Они стояли посреди занесённой снегом улицы, в десяти метрах от закрытой кофейни, держась друг за друга, и смеялись над шуткой про призраков, которая вовсе не была шуткой. — Боже, — выдохнула она, вытирая слёзы уже свободной рукой. — Вы либо психотерапевт, либо такой же пациент, как я. — Второе, — честно ответил Илья. — Диагноз: острая нехватка смысла бытия. Смех отрезало. Снова навалилась серьёзность момента. — Прошу простить меня, — Хлоя мягко, но настойчиво

высвободила свой локоть из его захвата. Поправила съехавший набок капюшон, скрывший половину лица. — Я действительно чудовищно опаздываю на работу. Меня уволят, если годовой отчёт ляжет на стол боссу позже девяти.— О, да, конечно, — Илья отступил, ощущая внезапный холод в тех местах, где касалась её кожа. Ему хотелось спросить про комнату 412. Хотелось спросить про яркий свет, что она увидела. Хлоя медленно двинулась прочь, против направления движения Ильи. Её шаги были лёгкими, несмотря на глубокие сугробы. Она шла по своему утреннему пути, который явно пролегал мимо законов здравого смысла. Но что-то было в ней такое... Эта угловатая пластика плеч, этот поворот головы, когда она нервничала. В её ауре отзывалось родное. Словно потеряв одну душу, Вселенная пыталась вручить ему другую, точно такую же, но с обновлённой прошивкой. Останови её. Мысль была чёткой и громкой. Это крик Марка внутри? Или его собственный разум кричал от ужаса перед грядущим одиночеством? Илья не знал. Он просто стоял и провожал взглядом удаляющуюся фигуру в белой шубе, которая становилась всё менее материальной на фоне слепящей белизны. Когда расстояние увеличилось метров до тридцати, горло сжалось спазмом.— Может... — голос сорвался. Илья кашлянул и крикнул громче: — Может, как-нибудь выпьем кофе? Когда оно откроется! Хлоя остановилась. Медленно обернулась. Ветер трепал выбившиеся из-под шапки пряди. Она долго смотрела на него. Изучала. Принимала ре-

шение. В её взгляде читалась вся тяжесть мировых собраний и солнечных ударов. — Если снова встретимся, — крикнула она, и её голос легко перекрыл вой метели, — то значит выпьем. Она не стала ждать ответа. Не стала махать рукой. Она просто приложила два пальца к виску в каком-то странном, военном или скаутском жесте салюта, и, не оборачиваясь, пошла дальше, быстро скрываясь в снежном мареве. И этот жест — два пальца к виску — словно выстрел. Пуля попала ровно в центр груди, туда, где анатомически должно находиться сердце, но у Ильи там давно была лишь открытая кровоточащая воронка. Пришло предчувствие. Огромное, тяжёлое, как грозовая туча. Предчувствие беды. Или невероятно-го счастья. Или конца всего сущего. Он не знал. Но впервые за долгие месяцы апатии ему стало по-настоящему страшно. Страшно не от холода, не от голоса в голове, а от того, насколько правильной, единственно возможной показалась эта встреча. Илья постоял ещё минуту, сжимая в кармане ничего не значащий чек из продуктового, и пошёл в противоположную сторону. Навстречу работе, навстречу рутине, навстречу выбору пути, о котором предупреждал Марк. Но теперь он знал: каким бы ни был этот путь, он больше никогда не будет прежним. Потому что в уравнение его пустой вселенной добавили новую переменную. И имя ей — Хлоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.